

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА И ОТКРЫТИЕ «СВОЕЙ НАРОДНОСТИ»

В статье рассматриваются основные этапы становления русского народознания XVIII в. в контексте общеевропейских идеологических и философско-эстетических тенденций, а также национально-культурных и исторических особенностей. Анализируется значение деятельности русских фольклористов и собирателей народного творчества на пути развития русской национальной литературы. Доказывается, что русская художественная литература и литературно-критическая мысль имела важное значение в становлении самобытной русской литературы и ее связи с народностью.

Становление народознания как важнейшей отрасли историко-филологической науки обычно связывают с актуализацией проблемы самобытности, которая с определенной долей остроты вставала перед каждой национальной литературой в эпоху романтизма.

В России изучение фольклора, национальной мифологии, бытовых традиций народа началось до наступления романтической эпохи. Это было связано, прежде всего, с литературно-художественной практикой XVIII в., с первыми попытками создать самобытную русскую литературу.

Образная и жанровая система фольклора стала идейно-эстетической основой, на которой осуществлялось решение этой непростой задачи. Поэтому недооценивать роль русского просвещения в пробуждении внимания к народной культуре и становлении интереса к идее народности нельзя. Как справедливо заметил М.А. Азадовский, «в процессе формирования национального государства и построения новой культуры естественно должна была возникнуть и встать в центре идейных течений эпохи проблема национального самосознания, в числе атрибутов последней неизбежно вставал вопрос о фольклоре как резервуаре народно-национальной старины, поэзии, народной мудрости и как источнике литературы» [1, с. 42].

Обращение к народной культуре не было исключительно русским явлением. В Европе к середине XVIII в. развилось целое движение по изучению фольклорного наследия: Дж. Макферсон опубликовал поэмы «Оссиана», Перси составил сборник «Памятники старинной английской поэзии...», увидели свет «Немецкие народные сказки» Музеуса и «История трубадуров» Милло, К.Г. Мюллер издал полный текст «Нибелунгов» и др. Кроме того, начинает складываться не только теория, но и философия фольклора. Россия XVIII в. полноправно включилась в общеевропейский процесс возрождения корней.

В России интерес к национальному прошлому, с полной силой проявившийся в 1760–1770-х гг., имел большое общественно-историческое значение. Как отмечал Д. Н. Пыпин, «нужен был идеал, и этого идеала стали искать в полузабытой старине, из которой можно было извлечь по желанию образцы добродетели и мудрости, забыв образцы пороков и невежества. Это обращение было вполне естественно: куда иначе можно было обратиться, чтобы высказать свое негодование против данного порядка вещей, где властвовал крепостной произвол, где забывались обязанности к той народной массе, на которой утверждалось могущество государства и самое богатство господствующего сословия и для которой не находилось ни материальной помощи, ни доброго слова» [7, с. 111]. Немаловажную роль здесь сыграла русская художественная литература. Она по-своему переосмысливала национально-фольклорный материал, подготавливая тем самым зарождение русской академической мифологической школы и предвосхищая деятельность Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева.

Одним из первых собирателей русского фольклора стал М.Д. Чулков. Его «Собрание русских песен» положило начало целому ряду печатных песенников, до этого существовавших в рукописном виде («Письмовник» Н.Г. Курганова, «Сказки» А.О. Облесимова, «Сборник сказок» В.А. Левшина и др.). Но история сосуществования русского язычества и художественной литературы началась тогда, когда в моду вошли подражания народным сказкам. Сборник Чулкова «Пересмешник, или славянские сказки» (1768) явился первым опытом создания национально-русского сказочного жанра на основе русских рукописных повестей, устной народной сказки и русификации заимствованного из мировой литературы материала, а изданный им же «Краткий мифологический лексикон» (1767), в котором содержались сведения и по античной, и по славянской мифологии, начал традицию воссоздания полуфантастического, полуисторического мира славяно-русских богов, прямо ведущую к «Руслану и Людмиле» А.С. Пушкина. Собиратели фольклора сами были писателями и творчески перерабатывали найденный материал, что являлось главной особенностью русского народознания второй половины XVIII в.

Действительно, сборники Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева и др. носили заглавия «русских», «славянских», «древних» сказок. Однако именно русские народные сказки они публиковали либо в пересказе, либо в художественной обработке. Благодаря были опубликованы традиционные фольклорно-сказочные сюжеты получили широкое распространение, и популяризация русской народной сказки стала главной заслугой составителей. Но основная задача, которую ставили перед собой авторы этих сборников, заключалась в создании русского или даже общеславянского сказочного предания, аналогичного европейскому. Решая ее, они перелагали европейские рыцарские романы и «русифицировали» их за счет былинных элементов, а также вставок-пересказов русских волшебных и бытовых сказок о воорах, ведьмах, суевериях, солдатах. Все это приносило в художественные произведения народный колорит и занимательность.

Стоит отметить, что материал сказок 1760–1770 гг. заложил основу для формирования жанра литературной сказки, обоснование которому сделал А.Ф. Мерз-

ляков в «Краткой риторике», узаконив его развитие в русской художественной словесности XIX в. [4, с. 7]. Но сами сказки Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева не воспринимались современниками как литературные. Сконструировав славянскую мифологию, сказочники-просветители тем самым сформулировали вполне понятную и цельную систему не только народных верований, но и языческого мировоззрения древних славян. С одной стороны, эта система стала восприниматься как специфическая культурная область, отделенная от новой русской литературы и современной русской жизни. Как заметил Азадовский, «просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурья уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства» [1, с. 43]. А с другой, – появление мифо-сказочного предания, так или иначе связанного с историческими изысканиями эпохи, повлекло за собой создание нового мифа, под знаком которого русская культура войдет в XIX в. – мифа о русском народе как носителе уникальных идеалов, хранителе уникальных ценностей, имевшего собственный путь, с которого его отвернули Петровские реформы.

Современные культурологи именно с XVIII в. связывают появление «в русской национальной ментальности двух параллельно протекавших процессов – рациональной самоидентификации и бессознательно-невротического переживания травмы разрыва со «своим» и становления «чужого» [6, с. 83]. Можно сделать спорный, но небезосновательный вывод о том, что осознание самоценности русской истории и фольклора повлекло за собой идеализацию старых допетровских форм жизни и выделение народной культуры, в широком смысле этого понятия, как явления внеположного по отношению к образованной части русского общества.

Если в культуре XVIII в. эта тенденция развивалась неосознанно, то уже в 1820-е гг. идеализация уступит место героизации народного характера, идеальное проявление которого поэты-декабристы будут находить исключительно в глубине русской истории и исключительно среди представителей простого народа. Думы К.Ф. Рыльева – яркое тому свидетельство.

Если процесс идентификации своей народности начался в России уже в середине XVIII в., то терминологический аппарат, позволяющий определять его особенности, складывался на протяжении XIX в. Наряду со словом «народ» в начале XVIII в. в активное употребление вошло слово «нация». Фактически «народ» и «нация» в первой половине XVIII в. являлись прямыми синонимами.

Однако ко второй половине XIX в. сформировалась своеобразная градация понятий. Во-первых, нация – это «государство», народ – население данного государства, а народность – это этнокультурные особенности населения государства. А во-вторых, народ – это низшее сословие (крестьяне, мастеровые, ремесленники и др.), а народность – это особенности бытовой и духовной культуры этого сословия. Как видим, начавшееся в 1770-х гг. формирование «двух ментальностей» к середине XIX в. можно считать завершившимся.

Весьма интересным представляется тот факт, что слово «народность» появилось в литературных кругах. Оно сразу проникло в язык писателей и публицистов и

как понятие получило определенный статус и в художественных системах, и среди критериев художественных произведений.

Впервые его употребил в 1807 г. писатель, драматург, переводчик и мемуарист С.П. Жихарев в своем дневнике. Рассказывая о впечатлениях от знакомства с А.С. Шишковым, он записал: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность» [3, с. 316–317]. В данном контексте народность – это калька французского слова «popularité», что означает популярность. Но «народность» в значении «популярность» не прижилось, а потому и за Жихаревым авторство этого понятия не утвердилось.

К 20-м гг. XIX в. семантическая связь русского слова «народность» с французским «popularité» утратилась и образовалось смысловое сращение с другим, французским же, словом «nationalité». Его перевод на русский язык предполагает два варианта: «nationalité» – это и гражданство, и национальность. В этой связи вполне логично должно было бы быть использование понятий «народность» и «национальность» как прямых синонимов. Однако социальный подтекст «народа» развел смысл понятий «национальность» и «народность».

В данном случае нельзя не обратить внимания на письмо кн. П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу (1819), в котором он так комментировал свое стихотворение «Первый снег»: «Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет. <...> Тут дело идет не о достоинстве, а об отпечатке, не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных». И далее он утверждал: «Зачем не перевести nationalité – народность. Поляки сказали же narodowość» [5, Т. 2, с. 357].

В этом высказывании Вяземского понятие «народность» соединяет в себе и идущее от французского «nationalité» значение национально-этнической самобытности, и идущее от русского «народ» значение «простонародный». В 1824 г. Вяземский со всей определенностью укажет на двойное значение понятия «народность»: «Всякий грамотный знает, что слово «национальный» не существует в нашем языке; что у нас слово народный отвечает двум французским словам: populaire et national; что мы говорим песни народные и дух народный там, где французы сказали бы chansons populaire et esprit national» [5, Т. 2, с. 376]. Следует отметить, что именно эта трактовка народности утвердится в русской литературе и будет уточняться на протяжении всего XIX в. и в художественной практике, и в литературной критике, и в академической науке о литературе.

Одна из первых коррективов «народности» принадлежит И.И. Дмитриеву, который стал использовать это понятие как один из критериев художественности. В своих мемуарах «Взгляд на мою жизнь», увидевших свет только в 1866 г., он дал характеристику издательской деятельности Новикова и его журналам «Трутенъ» и «Живописецъ», выходявшим в 1780-х гг.: «Они отличались от сборников чужой и домашней всякой всячины и более отзывались народностию, хотя и менее об ней твердили, нежели нынешние наши журналы». И далее Дмитриев пояснил, что он понимал под «народностию» Новикова: «Издатель в листках своих нападал смело

на господствующие пороки; карал взяточников; обнаруживал разные злоупотребления; осмеивал закоренелые предрассудки и не щадил невежества мелких, иногда же и крупных помещиков. Словом, старался, сколько мог и умел, выдерживать главное свойство своих журналов и приноравливать их к духу того времени» [2, с. 44].

Народность Новикова и его журналов Дмитриев видел в живом отклике на проблемы *русской* жизни и страстном желании искоренения пороков в *русской* действительности. Поэтому он утверждал: «Гениальность и народность не в том состоят, чтоб созданиями своими, как они называют собственные нелепости, силиться потрясать наши нервы, возбуждать страх, ужас и отвращение, хотя они того не производят, и щеголять языком простонародным или хватским, употребительным на биваках» [2, с. 98].

Фактически Дмитриев ввел в литературный обиход понятие «народность писателя», а категорию народности связал с задачами литературы, которые уже ему представлялись в отражении и критической оценке явлений действительности. Обозначив идеологическую сущность понятия «народность», его связь с социальной и идейностью, Дмитриев начал прокладывать путь к демократической критике и литературе XIX в.

Список литературы

1. Азадовский, М. К. Статьи о литературе и фольклоре / М. К. Азадовский. – М.–Л. : Худож. лит., 1960. – 548 с.
2. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева (изданные племянником его М.А. Дмитриевым) : в 3 ч. – М., 1866.
3. Жихарев, С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. – М.–Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – 312 с.
4. Литературная сказка пушкинского времени. – М. : Правда, 1988. – 479 с.
5. Остафьевский архив князей Вяземских в 5 т. – СПб., 1899–1913.
6. Петр Великий. Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : РХГИ, 2003. – 1024 с.
7. Пыпин, Д. Н. История русской литературы : в 4 т. / Д. Н. Пыпин. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. – 549 с.